

ванную Полибием (IV, 59 и 83) и Стефаном Византийским (s. v.) ахейскую крепость, называвшуюся Τεῖχος , или же некоторые названия городов, имеющие ясный смысл, связанный с характером местности (например, Κῆποι — Сады, Τάσρος — Ров, Χερσόνησος — Полуостров, Καλὸς Λιμὴν — Прекрасная Гавань и т. п.). Таким же образом данное место декрета было прочитано и В. В. Латышевым в первом издании его корпуса (IOSPE, I, 185). Только В. Диттенбергер еще в 1883 г. (Syll. ¹, I, 252) транскрибировал ΤΕΙΧΗ как нарицательное (без комментария). Отмеченное В. Н. Юргевичем и встречающееся у древних авторов ³ другое значение слова $\tauὰ \text{τεῖχη}$ — крепости, укрепления — оставалось в тени.

В 1890—1891 гг. в Херсонесе была найдена стела с гражданской присягой херсонеситов, и В. В. Латышев тогда же опубликовал эту надпись, которая, как он подчеркивал, «по своей важности занимает второе место между всеми до сих пор известными эпиграфическими памятниками Херсонеса» ⁴ (первое место он отдавал декрету в честь Диофанта; это положение остается в силе и сейчас). Комментируя текст надписи, В. В. Латышев сопоставлял его с декретом п, останавливаясь на трактовке трижды встречающегося в присяге слова ΤΕΙΧΗ , объяснял его и в присяге, и в декрете одинаково — как «укрепления», построенные херсонеситами «для защиты от набегов скифов и тавров» (там же, стр. 10). Но хотя, как отмечал В. В. Латышев, «из текста присяги мы узнаем, что таких безымянных укреплений было несколько», сам он по-прежнему полагал, что Диофантом было взято какое-то одно из этих укреплений, о котором и говорится наряду с Керкинитидой в почетном декрете херсонеситов. Именно в силу такого представления В. В. Латышев и считал, что «упоминание об укреплении после Керкинитиды еще не служит доказательством его нахождения за этим городом: местности эти могли быть названы в декрете и не в топографическом порядке, а в хронологическом — по времени взятия их Диофантом или просто по степени важности». Излагая несколькими строками ниже соответствующее место декрета, В. В. Латышев передает ΤΕΙΧΗ как «стены», что хотя и придает слову вид нарицательного, однако сохраняет возможность понимания его как определенного географического пункта (там же, стр. 10 сл.).

При втором издании в 1916 г. (IOSPE, I, 352) перевод декрета В. В. Латышевым пересмотрен не был, и в нем повторилось чтение «Стены». Оно отразилось и в указателе, где к декрету в честь Диофанта относится Τεῖχη как географическое название, а к Херсонесской присяге отдельно отсылают нас Χερσονησίου τείχη , и в комментарии к херсонесской надписи в честь взятых Калос Лимен (там же, 353, стр. 308) ⁵.

Любопытно, что и после находки Херсонесской присяги в литературе вплоть до наших дней параллельно существуют два различных чтения строки декрета, касающейся действий Диофанта на северо-западном побережье Крыма. В работах ряда исследователей ΤΕΙΧΗ декрета понимаются как нарицательное — «укрепления» — и отождествляются с укреплениями, упоминаемыми в Херсонесской присяге ⁶.

³ См., например, Xen., Anab., I, 4, 4; VII, 1, 38; 2, 13—14; Hd t., III, 14 и 91; IV, 12; IX, 98 и др.

⁴ В. В. Л а т ы ш е в, Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889—1891 годах, МАР, 9, 1892, стр. 1 сл.; о н ж е, Гражданская присяга херсонесцев, ПОНТИКА, СПб., 1909, стр. 142 сл.

⁵ См. также первое издание надписи: В. В. Л а т ы ш е в, Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895—1898 годах, МАР, 23, 1899, стр. 5.

⁶ Н. Ф. Р о м а н ч е н к о, Материалы к археологии Евпаторийского уезда, ЗРАО, нов. сер. VIII (1896), № 1—2, стр. 229, 232 сл.; Л. А. М о и с е е в, Из истории западного побережья Тавриды, I. Херсонес Таврический и раскопки 1917 г. в Евпатории, ИТУАК, 54, 1918, стр. 256 сл.; С. А. Ж е б е л е в, Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре, СП, стр. 98; о н ж е, Херсонесская присяга, СП, стр. 249 сл.; П. Н. Ш у л ь ц, Евпаторийский район, сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», М.—Л., 1951, стр. 270; А. И. Т ю м е н е в, Херсонесские этюды, IV, Херсонес и местное население скифы. ВДИ, 1950, № 2, стр. 49; К. Э. Г р и-

Наряду с этим чтение «Стены» продолжает повторяться при многократных переизданиях, изложениях и цитированиях текста декрета ⁷. Такое чтение предполагает существование где-то в западном Крыму города или укрепления под названием «Стены», что приводит к попыткам локализации последнего ⁸.

Между тем вытекающий из анализа текста Херсонесской присяги вывод, сделанный в свое время В. В. Латышевым, о том, что ΤΕΙΧΗ, упоминаемые в строках 4, 9 и 21, были не с к о л ь к и м и укрепленными пунктами, которыми владели херсонеситы наряду с Керкинитидой и Калос Лименом, является общепринятым и несомненным ⁹. Действительно, контекст строки 9, где говорится οὐδὲ τᾶλλα τεῖχη («ни другие укрепления»), абсолютно исключает толкование этого слова как географическое название. Чередования слов καὶ χῶραν καὶ τεῖχη и τὰ τεῖχη καὶ χῶραν в строках 4 и 21 приводят к тому же выводу. Следует заметить, с другой стороны, что в тексте декрета в честь Диофанта ни одно из встречающихся там названий городов или крепостей (кроме Калос Лимена — Прекрасной Гавани) не имеет артикля в отличие от ΤΑ ΤΕΙΧΗ.

Поскольку и в Херсонесской присяге, и в декрете в честь Диофанта ΤΕΙΧΗ упоминаются каждый раз вместе с Керкинитидой и Калос Лименом, то естественно заключить, что в обоих надписях это одни и те же пункты, и понимать их в обоих случаях, как и значится в текстах, во множественном числе. Оба эпиграфических источника дополняют друг друга: если присяга помогает правильному толкованию интересующего нас слова в декрете, то декрет, в свою очередь, уточняет местоположение «укреплений» присяги, показывая, что их надо искать именно в северо-западном направлении от Керкинитиды, после которой они названы, — на пути к Калос Лимену.

не в и ч, Городище Прекрасная Гавань в свете новейших исследований, ВДИ, 1949, № 1, стр. 156; Д. П. К а л л и с т о в, Северное Причерноморье в античную эпоху, М., 1952, стр. 99 сл.; А. Н. К а р а с е в, Раскопки на городище Чайка близ Евпатории, КСИА АН СССР, 95, 1963, стр. 42.

⁷ А. В. О р е ш н и к о в, Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья, М., 1892, стр. 13; Th. R e i n a s h, Mithradate Eupator, König von Pontos, Lpz., 1895, стр. 60 и 463; о н ж е, Mithradate Eupatore re del Ponto, Milano, 1960, стр. 133; Ch. M i c h e l, Recueil des inscriptions grecques, Bruxelles, 1900, № 338; E. H. M i n n s, Scythians and Greeks, Cambr., 1913, стр. 647, № 18; И. И. Т о л ь е, Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте, Пг., 1918, стр. 96; Древний мир на юге России, Изборник источников под ред. Б. А. Тураева, И. Н. Бороздина, Б. В. Фармаковского, М., 1918, стр. 68; Г. Д. Б е л о в, Херсонес Таврический, Л., 1948, стр. 92; А. Н. З о г р а ф, Античные монеты, МИА, 16, 1951, стр. 160; Б. Н. Г р а к о в, Каменское городище на Днепре, МИА, 36, 1954, стр. 29; S. J. L u g i e, Jeszcze o dekrecie ku czci Diofantosa, «Meander», 1959, № 2, стр. 76 сл. (автор придал слову не только характер названия, но и единственное число — Teichos); Е. Г. С у р о в, Херсонес Таврический, Свердловск, 1961, стр. 41 и 105; Херсонес Таврический, Путеводитель, Симферополь, 1962, стр. 133; А. Н. Щ е г л о в, Раскопки городища Тарпанчи в 1960 году, СХМ, III, 1963, стр. 72 (автор, впрочем, предполагает, что, возможно, это были укрепления херсонесцев в районе Донузлава).

⁸ М. А. Н а л ь к и н а, Северо-западное побережье Крыма в эпоху античной колонизации, ПИДО, 1934, № 9—10, стр. 162; о н а ж е, Керкинитиды и Калос Лимен (некоторые итоги изучения), сб. «Античный город», М., 1963, стр. 55, прим. 1; М. И. А р т а м о н о в, Скифское царство в Крыму, «Вестник ЛГУ», 8, 1948, стр. 60 сл.

⁹ Особую позицию в данном вопросе занимал А. Л. Бертье-Делагард, считавший, что вообще существование этих «прочих укреплений» еще надо доказать. Именно безымянность их вызвала у него подозрение, не упомянуты ли они в присяге «только в виде общей формулы, на всякий случай возможного их появления когда-либо впредь». А. Л. Б е р т ь е - Д е л а г а р д, Древнейший Херсонес по Страбону и раскопкам, ИАК, 21, 1907, стр. 192.

В. В. Латышев не видел в упоминании ΤΕΙΧΗ после Керкинитиды доказательства того, что они находились за ней, потому что он подразумевал под взятыми Диофантом ΤΕΙΧΗ один пункт¹⁰; если же считать, что это ряд пунктов, крепостей, то становится несомненным, что Диофант должен был их завоевывать, продвигаясь из Керкинитиды к Калос Лимену.

Еще П. О. Бурачков в 70-х гг. прошлого века наблюдал, что на побережье от Евпатории до Донузлавского озера и по ту сторону озера, на Тарханкутском полуострове, повсюду встречаются обломки амфор, античные монеты и остатки строений¹¹. Археологическими разведками, проводившимися в 1933—1934 и 1948 гг. Евпаторийской и Тавро-скифской экспедициями под руководством П. Н. Шульца на северо-западном побережье Крыма, между Евпаторией и пос. Черноморским (бывш. Ак-Мечеть), т. е. древними Керкинитидой и Калос Лименом, выявлено около десятка городищ, тянувшихся вдоль берега цепочкой с интервалами в несколько километров. П. Н. Шульцем на основании внешнего обследования этих памятников было сделано предположение об их различном этническом характере: на одних городищах он наблюдал в обнажениях выходы оборонительных стен скифского типа, из рваного камня, на других — античные кладки из тесаных квадров¹². Рабочая гипотеза П. Н. Шульца была затем развита А. И. Тюменевым, писавшим о существовании в северо-западном Крыму двух одновременно или почти одновременно возникших и противостоявших друг другу систем укреплений — скифской и греческой. Наряду с Керкинитидой и Калос Лименом он называет еще два греческих городища (Караджа и Донузлавское, т. е. Беляус), остальные же городища считает скифскими, «вклиненными» между греческими¹³.

В течение многих лет эти предположения не могли быть проверены, так как ни одно из городищ между Керкинитидой и Калос Лименом не подвергалось раскопкам. В последнее время, начиная с 1959 г., в северо-западном Крыму стали вестись регулярные археологические исследования; число известных городищ и поселений пополнилось¹⁴, и уже на четырех из них ведутся раскопки — на Чайке, Южно-Донузлавском (Поповка), Беляусе и Тарпанчи¹⁵. Весьма интересно, что на всех этих городи-

¹⁰ Это приведенное выше высказывание В. В. Латышева было неточно цитировано (получилось, будто бы Латышев писал о нескольких пунктах) и неправильно использовано Н. И. Репниковым в подтверждение своего мнения, что «упомянутые в присяге τεῖχη есть укрепленные форпосты-хутора Херсонеса на Гераклеийском полуострове». Н. И. Репников, Памятники аграрного устройства автономного Херсонеса, Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, № 452/8, стр. 19—21. Это мнение разделял и Е. Г. Суворов, К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом, УЗМГПИ, т. XXVIII, вып. 1, 1942, стр. 121.

¹¹ П. О. Бурачков, О местоположении древнего города Керкинитеса и монетах, ему принадлежащих, ЗООИД, IX, 1875, стр. 122 сл.; он же, Опыт соглашения открытой в Херсонесе надписи с природою местности и сохранившимися у древних писателей сведениями, относящимися ко времени войн Диофанта, полководца Мифрадата, со скифами, ЗООИД, XII, 1881, стр. 232 сл.

¹² П. Н. Шульц, О работах Евпаторийской экспедиции, СА, III, 1937, стр. 253; он же, Евпаторийский район, стр. 270 сл.

¹³ Тюменев, Херсонесские этюды, IV, стр. 49 сл.; он же, Херсонесские этюды, VI, Херсонес и Керкинитиды, ВДИ, 1955, № 3, стр. 42 сл.

¹⁴ А. Н. Щеглов, Разведки 1959 года на западном побережье Крыма, СХМ, II, 1961, стр. 71—74.

¹⁵ Карасев, ук. соч.; О. Д. Дашевская, Раскопки Южного Донузлавского городища в 1960 году, КСОГУ и ОГАМ в 1960 г., 1961; она же, Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1961—1962 гг., КСОГАМ в 1962 г., 1964; О. Д. Дашевская, А. Н. Щеглов, Херсонесское укрепление на городище Беляус, СА (в печати); Щеглов, Разведки 1959 года на западном побережье Крыма, стр. 75—77; он же, Раскопки городища Тарпанчи в 1960 году.

цах наблюдается по существу одна и та же картина: нижний горизонт их, — конца IV — начала II вв. до н. э., оказывается греческим, с преобладанием херсонесского материала, а следующий, второй половины II в. до н. э., — скифским.

На городище Беляус в 1963 г. открыта квадратная угловая башня оборонительной стены, облицованная рустованными квадрами, с метками каменотесов в виде греческих букв и монограмм (рис. 1). Это оборонительное сооружение, не уступающее по качеству кладки первоклассным образцам античной архитектуры Северного Причерноморья,

Рис. 1. Городище Беляус. Облицовка юго-западной угловой башни. Раскопки 1963 г.

датируется рубежом IV — III в. до н. э. Нет сомнения в том, что здесь мы впервые видим одно из тех укреплений херсонеситов, *τείχη*, о которых говорится в Херсонесской присяге, относящейся, как это убедительно доказано исследователями, к началу III в. до н. э.¹⁶

Надо подчеркнуть то известное обстоятельство, что наши эпиграфические источники отделены друг от друга почти двумя веками и декрет в честь Диофанта рассказывает о событиях последнего десятилетия II в. до н. э. Ко времени похода Диофанта *τείχη* вместе с Керкинитидой и Калос Лименом были захвачены скифами, и Диофанту пришлось их отвоевывать. Раскопки показывают, что теперь *τείχη* получают уже другое воплощение: это не прежние греческие укрепления, воздвигнутые херсонеситами и напоминающие по кладке стены самого Херсонеса, а скифские крепости, совершенно другого характера, построенные из рваного камня (с частичным использованием камня от прежних строений) на месте разрушенных греческих. Такие крепости открыты на городищах Чайке, Южно-Донузлавском и Тарпанчи; намечаются скифские оборонительные сооружения и на Беляусе. Все они датируются временем около середины II в. до н. э. Дальнейшее уточнение этой даты на археологическом материале позволит точнее определить время захвата северо-западных владений Херсонеса скифа-

¹⁶ Ж е б е л е в, Херсонесская присяга, стр. 222; Е. И. Л е в и, К вопросу о датировке Херсонесской присяги, СА, IX, 1947, стр. 99.

ми. Это событие одни исследователи относят к первой половине II в. до н. э.¹⁷, другие — к концу¹⁸. Наши археологические данные, указывающие скорее на середину II в. до н. э., контролируются еще одним эпиграфическим источником — договором Херсонеса с Фарнаком I Понтийским¹⁹, в котором Фарнак обещает свою помощь в случае,

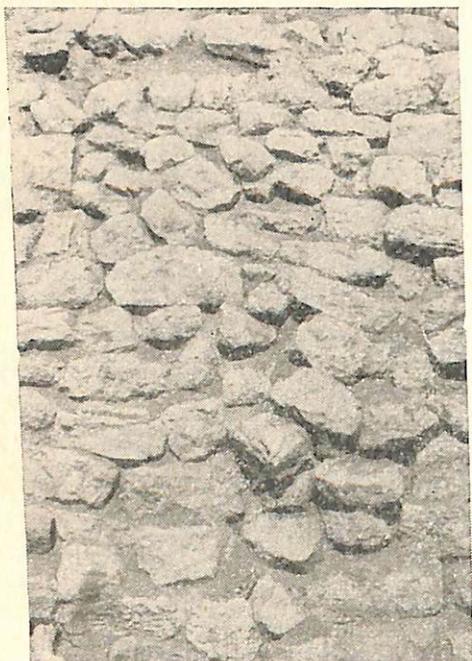

Рис. 2. Южно-Донузлавское городище. Облицовка оборонительного вала и рва. Раскопки 1962 г.

если «соседние варвары» выступят походом на Херсонес или на подвластную херсонеситам землю (τὴν κρατούμενην ὑπὸ χερσονησιτῶν χώραν). Под последней надо понимать ту же «хору» Херсонеса в северо-западном Крыму²⁰, которая упоминается вместе с τείχη в Херсонесской присяге, т. е. всю ту сельскохозяйственную территорию, для защиты которой и были возведены укрепления. Из договора с Фарнаком можно сделать вывод, что в 179 г. до н. э. (во время заключения договора) северо-западное побережье Крыма еще принадлежало херсонеситам, следовательно, захват этой территории скифами произошел позже и упоминаемые в декрете в честь Диофанта укрепления были построены скифами никак не ранее третьего десятилетия III в. до н. э.²¹

Примером τείχη декрета может служить крепость Южно-Донузлавского городища. Она имеет земляной вал со ступенчатой облицовкой из рваного камня и ров глубиной около 2 м, в котором та же облицовка продолжается вниз до глинистого горизонта материка. Обкладка вала и рва (рис. 2) сохранилась почти полностью, на 4 м в высоту. На валу построена каменная стена, от которой до нас дошли

огромные завалы камней, рухнувших в ров. При возведении вала площадь поселения была сокращена. Вполне вероятно, что при дальнейших раскопках на этом городище за пределами скифской крепости мы обнаружим остатки стен херсонеситов.

¹⁷ Б. Н. Граков, Термин Σκόρα и его производные в надписях Северного Причерноморья, КСИИМК, XVI, 1947, стр. 83.

¹⁸ Наливкина, Керкинитида и Калос Лимен, стр. 57.

¹⁹ Р. Х. Лепер, Херсонесские надписи, ИАК, 45, 1912, стр. 23 сл.; IOSPE, I², 402; К. М. Колобова, Фарнак I Понтийский, ВДИ, 1949, № 3, стр. 30 сл.

²⁰ Тюменев, Херсонесские этюды, IV, стр. 55.

²¹ Интересно замечание А. И. Тюменева, что «Диофант не отвоевывает Керкинитиду и „укрепления“, как только что захваченные скифами, но овладевает ими, как уже принадлежащими скифам» (там же, стр. 55). Это наблюдение над текстом декрета мы должны принять, правда, с той оговоркой, что Диофант овладел укреплениями, построенными скифами на месте херсонесских крепостей. Попутно заметим, что приводимые А. И. Тюменевым факты об изображении скифа и коня на монетах Керкинитиды как доказательства власти скифов над городами северо-западного Крыма (ср. также М. А. Наливкина, Торговые связи античных городов северо-западного Крыма, ПИСП, М., 1959, стр. 193) использоваться не могут, поскольку монеты эти датируются III в. до н. э. Следовательно, прав А. Н. Зограф, видевший в типологии указанных монет отражение первоначально мирных отношений Керкинитиды с обитателями сосед-

